

КОРПОРАТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ. ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕЙДЕРСТВУ И КОРПОРАТИВНОМУ ШАНТАЖУ

(1)

6.1. КОРПОРАТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ: ОБЩИЕ ПОДХОДЫ И ОЦЕНКИ

Конфликтность отношений в сфере корпоративного управления продолжает оставаться высокой. Корпоративный конфликт – это не любое разногласие или спор между органом управления обществом и его основными акционерами, а разногласие, касающееся основ и частных механизмов руководства компанией, которое приобрело жесткий, чаще всего антагонистический характер.

Корпоративные конфликты не могут быть разрешены традиционными средствами акционерной демократии: критикой на собраниях акционеров, нормальным рабочим оппонированием одной группы членов совета директоров или правления другой, «тихим» несогласием миноритариев политикой контролирующего собственника компании, время от времени прорывающимся на тех же высших форумах управления, обращением недовольных мелких акционеров к корпоративному секретарю компании по поводу соблюдения неких корпоративных регламентов.

На старте конфликтной ситуации одна сторона непременно является существенное более актив-

ной, атакующей, стремится так или иначе разрушить корпоративный статус-кво, вторая сторона, напротив – обороняющаяся, воспринимающей искренние или притворные предложения «нарушителя спокойствия» как неприемлемый для себя компромисс, а то и банальный вызов.

Новейшая экономическая и корпоративно-управленческая история страны демонстрирует массу безоговорочно позитивных конфликтов, которые, скажем, позволили сохранить активы компании, на которые «положил глаз» не желающий делиться с миноритариями доминирующий участник, обоснованно привлекали внимание контрольно-надзорных органов к фактам явного и дерзкого нарушения закона, а то и стимулировали более социально значимые результаты, в числе которых, к примеру, институционально обоснованная коррекция законодательства.

(2)

В то же время резонно относить к числу корпоративных конфликтов и часть так называемых внешних конфликтов, связанных с претензиями на занятие командных высот в руководстве хозяйственным обществом (компанией-целью) или даже группой компаний заинтересованными лицами, не являющимися на момент начала реализации соответствующего инвестиционного проекта ни топ-менеджерами компании, ни лидерами организации, исполняющей полномочия его единоличного исполнительного органа, ни его участниками (акционерами), ни даже рядовыми работниками. Именно в таком сценарном ключе разворачиваются многие типичные для последних нескольких лет рейдерские захваты.

Рейдерство – это незаконное недружественное поглощение компании или незаконное недружественное установление в той или форме безусловного корпоративного контроля над компанией (как юрлицом) и/или ее активами, и/или ее бизнесом в целом.

Формы рейдерства разнообразны:

1) отъем бизнеса с использованием маргинальных судебных приемов или попросту покупки «черных» судебных актов, легализующих переход к захватчикам права собственности на контрольный пакет акций (долю в уставном капитале) компании;

2) перехват с помощью примерно таких же приемов операционного управления компанией с последующими почти неизбежными действиями по отчуждению ее наиболее ликвидных активов;

3) обмен контрольного пакета акций компании на «пакет с компроматом» против доминирующего участника (или топ-менеджеров), в отношении которой в случае успеха данной бартерной операции рейдерами даются заверения «не давать хода»;

4) управляемое рейдерами банкротство компании-цели;

5) использование разного рода мошеннических схем получения формального контроля над фирмой, прежде всего, посредством подделки документов, направляемых некими «представителями компании» в соответствующую налоговую инспекцию (ЕГРЮЛ), ФРС и т. д., рассчитанных в конечном счете на логику блицкрига. Победенный, убедившись в том, что имеет дело с превосходящим по силе противником, не сможет или не захочет инициировать реставрацию – возврат активов, титулов собственности на компанию или должности единоличного исполнительного органа.

Гринмейл (корпоративный шантаж) – это разновидность предпринимательской практики, основанной на системном, злом и профессионально выверенном злоупотреблении акционерными правами.

В отличие от рейдера, гринмейлер не может быть аутсайдером атакованной им компании. Это всегда ее миноритарий, и только миноритарий. Когда его юридический прессинг по всему корпоративному полю становится ощутимым для компании-цели, ее владельцам или исполнительным органам выставляются (обычно через посредников) условия «интеллигентного развода», попросту говоря, размеры и сроки выплаты отступного в той или иной форме за прекращение и невозобновление означенного прессинга.

Рейдерство и корпоративный шантаж – типы корпоративных конфликтов, которые имеют ряд специфических черт.

• Явная бизнес-направленность и связанная с этим бескомпромиссность корпоративного агрессора.

(3)

• Высокая рентабельность успешных для агрессора проектов. По некоторым оценкам рентабельность победоносного рейдерского захвата колеблется от 50% до 1000%, успешного гринмейлерского проекта – от 30% до 400%.

• Чрезвычайно высокая мера латентности этих явлений. По экспертным оценкам, уровень не предаваемых внятной огласке обороняющейся стороной рейдерских захватов составляет в настоящее время примерно 30–40%. Уровень латентности гринмейла существенно выше – примерно 60–80%. Другими словами, примерно каждый третий мажоритарий компании, подвергшейся атаке «бизнес-корсаров», и как минимум две трети владельцев и топ-менеджеров компаний, столкнувшихся с активированным гринмейлом, предпочитают обороняться, рассчитывая на собственные силы и «административный ресурс»; готовы скорее откупиться, нежели вести позиционные бои с заведомо превосходящим по юридической мощи противником; предпочитают вести диалог с корпоративным агрессором в сугубо конфиденциальном режиме.

• Абсолютное большинство известных нам случаев протекает при активном подключении к «проекту» тех или иных госструктур: судов, службы судебных приставов, правоохранительных органов, соответствующих контрольно-надзорных организаций – причем нередко в коррупционном плане.

• Напротив, крайне редко конфликты разрешаются посредством подключения к таким «проектам» соответствующих легальных посредников – ассоциаций предпринимателей, экспертных (отраслевых) объединений и СРО, лиц, позиционирующих себя в качестве профессиональных медиаторов и т. д.

(4)

6.2. РЕЙДЕРСКИЕ ЗАХВАТЫ 2007–2008 ГОДОВ: НОВЫЕ ТРЕНДЫ

Первая тенденция – явная трансформация технологии и объектов рейдерских захватов.

В последние два-три года к рейдерам стали активно применять меры уголовно-правового пре-

следования, что следует признать однозначно позитивным фактом. Не только «громкое дело» о разгроме в 2006–2008 годах мощной рейдерской группировки Барсукова (Кумарина) в Петербурге¹, но и ряд других, менее афишировавшихся СМИ, но не менее серьезных побед правоохранительных органов над корпоративными захватчиками показали, что бригады рейдеров чаще всего представляют собой высоко организованные преступные формирования, в которых находится место соответствующим инвесторам, генераторам идей, исполнителям, и, естественно, пособникам, чаще всего из числа коррумпированных чиновников. И если в начале текущего десятилетия карающая десница закона добиралась в лучшем случае до значимых исполнителей рейдерских проектов, то в последние несколько лет обвинительные вердикты суды выносили и в отношении ключевых организаторов, продажных работников правоохранительных ведомств, чиновников, представляющих различные регистрирующие органы, и даже судей. Длительное время откровенно дремавшая ст. 305 УК РФ («Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта») заработала. Так, по официальным данным ВККС, за 9 месяцев 2007 года Верховным Судом РФ по ст. 305 УК осуждены четыре бывших судьи. В 2008 году тенденция привлечения к уголовной ответственности экс-судей, помогавших рейдерам, сохранилась².

Согласно информации, поступившей в Следственный комитет МВД России из следственных органов УВД, ГУВД субъектов РФ, а также УВД на транспорте и режимных объектах, на 1 сентября 2008 года в их производстве находилось 416 уголовных дел о преступлениях, совершенных в ходе рейдерских захватов; 56 уголовных дел

(5)

¹ См. *Маракулин Д.* Тамбовским вменили «Петербургский уголок» // Коммерсант, 9 июля 2008 года; *Сборов В.* Ресторан подали на первое. Передано в суд дело Владимира Барсукова // Коммерсант, 4 августа 2008 года.

² См. *Ларинцева А.* Судью осудили за кадровое решение // Коммерсант, 30 апреля 2008 года.

было направлено в суд; представлено 11 обвинительных приговоров по указанным делам¹.

В ряде регионов страны в городских, областных (краевых и республиканских) управлениях внутренних дел были сформированы и укомплектованы опытными работниками специализированные подразделения «по защите прав акционеров», то есть по сути антирейдерские отделы. Более того, к факту их создания власти привлекали внимание бизнес-сообщества, указывая на то, что с любителями незаконного отъема бизнеса можно и нужно бороться радикальными средствами.

Типаж рейдера утерял в последние несколько лет ореол высокого юридического профессионализма и общей бизнес-романтики. В чем причины существенного изменения общественного мнения?

(6)

1. Именно в 2007–2008 годах данному явлению, наконец, была дана надлежащая социально-экономическая, идеологическая и правовая оценка на самых высоких уровнях государственного управления. Вопросы противодействия рейдерским захватам признаны чрезвычайно актуальными Президентом России, Правительством, главами экономических ведомств, руководством Генеральной прокуратуры и МВД страны.

2. Успехи правоохранительных органов в борьбе с рейдерами были широко представлены в различных публикациях печатных и электронных СМИ. Именно благодаря такого рода пропаганде укрепились обобщенное мнение о том, что за ранее казавшиеся шалостями изобретения в реализации схем отъема бизнеса можно получить значительные реальные сроки лишения свободы.

3. Сработали агитационно-пропагандистские усилия специалистов по корпоративной защите².

¹ Данные предоставлены редакцией журнала «Слияния и поглощения».

² По нашему убеждению, значительную организующую и направляющую роль в этом плане сыграли такие экспертные издания, как «Слияния и поглощения» и «Акционерное общество. Вопросы корпоративного управления».

Однако борьба с рейдерством не утратила свою злободневность. По оценке Торгово-промышленной палаты РФ, на конец 2007 года стоимость конфликтных активов достигала 7 млрд долларов¹. Популярность корпоративных захватов в неких деловых кругах остается весьма высокой. Просто данное явление как следствие эффекта от применения упомянутых выше социальных противоядий трансформируется. В чем конкретно проявляется означенная трансформация?

Во-первых, центр тяжести системных усилий агрессоров переместился из зоны крупного предпринимательства, где контролирующие участники хозяйственных обществ (если не все, то довольно многие) сумели, наконец, организовать результативную корпоративную оборону, в сегменты умеренно крупного, среднего и мелкого бизнеса (располагающего привлекающими рейдеров ликвидными активами), где профилактические и активные контратакующие методы корпоративной защиты не применяются. В 2007 году в Правительство Москвы поступило около 100 обращений от малых предприятий с жалобами на захваты, тогда как от крупных компаний – многократно меньше.

В данном сегменте экономики по-прежнему весьма популярны разного рода мошеннические схемы отъема бизнеса и ликвидных активов компаний, прежде всего:

- хищение акций посредством подделки передаточных распоряжений, доверенностей и свидетельств на наследство;
- завладение бизнесом посредством имитации реорганизации путем присоединения (псевдо-присоединения) компании-цели к матричной (контролируемой рейдерами) компании и внесения соответствующих корректив в ЕГРЮЛ;
- хищение объектов недвижимости посредством подделки купчих и иных правоустанавливающих документов;
- пресловутая покупка судебных актов, «легализирующая» неправомерный (по институциональной сущности) отъем активов;

(7)

- фальсификация так называемых юридических дел и аккредитация в ЕГРЮЛ единоличного исполнительного органа, новых «владельцев» контрольной доли в уставном капитале ООО, изменения места нахождения компании и последующее отчуждение объектов недвижимости и иных значимых активов компании-цели «добросовестным» приобретателям.

Во-вторых, рейдерство мигрирует из столичных регионов в иные края и области страны с общим направлением на север и восток. Региональные власти в подавляющем большинстве пока не предпринимали усилий по созданию антикризисных штабов для противодействия рейдерству.

(8)

Между тем анализ опыта успешных в антирейдерском плане районов страны, а лидерами здесь, по нашему убеждению, остаются Москва и Санкт-Петербург, показывает, что оперативная господдержка жертвам корпоративной агрессии, причем не только в правоприменительной плоскости, но и на координационном, информационном и экспертном уровнях, оказывается едва ли не решающей.

Вставка 6.1. Функции региональных антирейдерских штабов

Основные функции эффективно работающих региональных антикризисных штабов таковы:

- экстренная (оперативная) поддержка компаний, подвергшихся жестким рейдерским атакам;
- сбор и обобщение значимой информации (в масштабе региона);
- создание и поэтапное обнародование репутационных досье лиц, замеченных в конструировании и применении агрессивных схем захвата и корпоративного шантажа;
- информационный обмен и методическая помощь другим региональным штабам;
- преодоление на «инструктивном уровне» недостатков федерального законодательства, активно используемых рейдерскими и гринмейлерскими структурами;

¹ См. Ведомости, 26 августа 2008 года. С. А3.

- проведение семинаров, тренингов и масштабных «тактических учений» с участием независимых экспертов, директоров и специалистов компаний;
- выставление «белых меток» – «аккредитация» компаний, находящихся под защитой штаба;
- содействие формированию антикризисных финансовых авуаров (фондов коллективной самообороны и «помощи жертвам корпоративной агрессии»);
- формирование экспертно-консультационных пунктов под эгидой штаба.

Координация из единого регионального центра деятельности госорганов, ошибки которых содействуют рейдерским захватам, имеет колоссальное значение.

(9)

По мнению специалистов следственного комитета МВД России, «предварительный анализ следственной практики по уголовным делам данной категории показывает, что одной из проблем является отсутствие взаимодействия с органами исполнительной власти, осуществляющими регистрацию прав». И далее: «Более чем в 90% рейдерских захватов совершается регистрация недостоверной информации в Едином государственном реестре юридических лиц или Едином государственном реестре прав на недвижимое имущество. В первом случае это происходит из-за пробелов в законодательстве и отсутствия полномочий органов ФНС по проверке достоверности регистрируемой информации. А вот действия отдельных должностных лиц ФРС, совершающих регистрацию прав на недвижимость по документам, вызывающим сомнения, трудно объяснить. При этом руководство территориальных органов этих ведомств не стремится к установлению истины и восстановлению нарушенных прав потерпевших».

В-третьих, в 2007–2008 годах резко активизировалось применение рейдерами такой «динамитной» схемы захвата, как сделка «компромат против контрольного пакета».

Необходимо дополнительно принять во внимание и то, что упомянутый компромат все чаще добывается не путем «честной» корпоративной разведки

и «углубленной работы» рейдерских аналитиков с открытой информацией о компании-цели, документами, получаемыми миноритарными акционерами – союзниками агрессоров в соответствии со ст. 91 ФЗ «Об акционерных обществах», а посредством его «слива» рейдерам, а то и официальной (разумеется, сугубо тенденциозной и целенаправленной) «правовой оценки» многочисленными государственным структурами, опекающими в соответствующих сферах деятельности отечественные компании.

Так называемые изящные схемы недружественных поглощений периода 2000–2004 годов, которые основывались на результативной эксплуатации рейдерами той поры несовершенства нашего гражданского законодательства (в части норм материального права и процессуального права) в сочетании с правовой и корпоративно-этической неуклюжестью пресловутых законных владельцев бизнесов и часто не без оснований воспринимались в духе тезиса «вор у вора дубинку украл», становятся нынче чуть ли не раритетом. Напротив, судя по практике 2007–2008 годов, все более востребованными становятся упомянутые версии захватов с нехитрой, но эффективной целевой установкой «не отдашь – сядешь», что, естественно, технологически невозможно при отсутствии поддержки рейдеров «извне».

(10)

Коррупционная составляющая рейдерских захватов признается теперь уже не только отдельными экспертами, но и общественными организациями, к которым все чаще прислушиваются власти. Так, весьма интересный доклад по теме «Предложения по повышению эффективности борьбы с рейдерством» представил общественности в сентябре 2008 года Национальный антикоррупционный комитет. Его рефрен – коррумпированные работники госорганов играют ключевую роль в рейдерских захватах. В докладе также обнародованы основные позиции «прайс-листа», паразитирующего на популярности в определенных бизнес-кругах жестких схем отъема бизнеса¹.

¹ Подробнее см., в частности: Корня А., Ляув Б., Иваницкая Н., Казьмин Д. Главный рейдер – это чиновник // Ведомости, 5 сентября 2008. Данная тенденция представляется особо мрачной на фоне

В-четвертых, некоторые вчерашние рейдеры перепрофилировались в гринмейлеры. Эта тенденция, замеченная и описанная экспертами по корпоративной защите два-три года назад, теперь признается и правоохранительными органами¹.

Убедившись в своей неуязвимости, новейший российский корпоративный шантаж стал ужесточать давление на членов исполнительных органов управления путем предъявления косвенных исков в порядке ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах», вменяющих им в вину материальные санкции контролирующих органов по отношению к акционерному обществу². Можно также отметить востребованность технологий длительной «корпоративной осады» (в отличие от преимущественного применения «спринтерских» гринмейлерских схем в 2002–2006 годах), интеграцию гринмейлерских и рейдерских проектов (так, покупателями «успешных гринмейлерских проектов» все чаще становятся именно рейдерские структуры), постановку на вооружение корпоративных шантажистов регулятивных недостатков ряда положений главы XI. I. ФЗ «Об акционерных обществах»³.

(11)

сохраняющегося чрезвычайно высокого уровня коррупции в стране в целом. Согласно обнародованным в сентябре 2008 года данным, в рейтинге Transparency International Россия в 2008 году заняла 147-е место (!), ее индекс «восприятия коррупции» – 2,1 балла. Для сравнения: последнее (наивысший уровень коррупции) 180-е место – за Сомали (1 балл); лидеры (наименьший уровень коррупции) – Дания, Новая Зеландия и Швеция (9,3 балла из 10 возможных).

¹ См.: *Стеркин Ф.* Следователям нужен закон // *Ведомости*, 26 августа 2008 года.

² Фабула таких исков обычно такова. Компанию подвергли административному штрафу за некие мелкие нарушения, скажем, в антимонопольной сфере или в экологической области. Истец полагает, что тем самым «бездействием» генерального директора, который «не проявил должной осмотрительности» в контроле за деятельностью юридических служб, компании причинены убытки. Генеральный директор и должен, по мнению миноритарного акционера, подающего такой иск в суд, возместить компании данные убытки в полном объеме.

³ В этом случае рефрен недружественных корпоративных действий заключается в следующем. Миноритарный акционер направляет в ОАО заведомо нереалистичное добровольное предложение

В-пятых, в своей массе отечественный бизнес, в том числе региональные холдинги и «автономные» умеренно крупные предприятия, к данным угрозам в финансовом и экспертном отношении не подготовлен. Основные причины такой его неподготовленности к недружественным корпоративным действиям – это недооценка возможности наступления «страхового случая»; преувеличение фактора «личных связей»; высокая концентрация собственности и централизация управления компаниями (на практике имеет место досадная иллюзия того, что консолидация более чем 75%-ного пакета акций компании делает бизнес владельца неуязвимым для рейдеров); доминирование на рынке участия спекулятивных резонов над мотивами долгосрочного обустройства бизнеса¹ и т. д.

(12)

Имеются основания полагать, что финансовый и экономический кризис может внести определенные коррективы в методы рейдерских захватов. По крайней мере, некоторые данные говорят о том, что группы инвесторов, известные своим пристрастием к жестким методам вхождения в новые бизнесы:

- проявляют интерес к компаниям, которые могут получить значительную помощь государства (напря-

о приобретении более 30% акций. Нереалистичное в силу того, что акции, которые предлагается продать заявителю, оценены им на порядок ниже реальной рыночной стоимости. Фактическая цель таких действий, разумеется, отличается от легальной: активировать последствия, предусмотренные законом на период действия добровольного предложения (от 70 до 90 дней), а именно, обязать компанию перенести значительный массив вопросов из компетенции исполнительных органов и совета директоров в компетенцию общего собрания акционеров, созыв и подготовка которого заведомо трудо- и фондоемки, то есть создать компании вроде бы на законной основе существенные управленческие и экономические неудобства.

¹ Практика убеждает в следующем. Реальный отраслевой инвестор, в принципе не имеющий намерений расстаться в обозримой перспективе с соответствующими инвестициями в данную компанию, проведет серьезный антирейдерский аудит, сформирует антикризисный штаб, подготовит специалистов и т. д., в то время как инвестор-спекулянт не сочтет актуальными такие усилия просто потому, что в случае серьезной рейдерской угрозы будет склонен «закрыть позицию, найди хорошего покупателя».

мую или через опорные банки) в рамках антикризисных госпрограмм, а также к компаниям, крупные совладельцы которых вошли в фазу острых разногласий по поводу методов антикризисного управления;

- реставрируют команды, специализирующиеся на недружественных поглощениях с использованием механизмов банкротства компании-цели, и начинают активный мониторинг привлекательных с их точки зрения объектов, у которых могут быть проблемы во взаимоотношениях с основными кредиторами.

Некоторые наблюдатели за эволюцией конфликтного сегмента отечественного рынка корпоративного контроля, напротив, предвидят снижение рейдерского давления на экономику в условиях финансового кризиса по той причине, что финансирование таких проектов, по их мнению, осуществляется главным образом за счет заимствований, доступ к которым в условиях острого дефицита ликвидности у кредитных организаций резко ограничен.

На наш взгляд, такой прогноз не вполне точно интерпретирует реальное положение дел в этой области рынка капитала.

Во-первых, нет ни малейших сомнений в том, что немалая часть рейдерских проектов реализуется на базе дилерских схем, то есть за счет средств самого агрессора и при отсутствии иницилирующего захват заказчика.

Во-вторых, необходимо принять во внимание тот факт, что резко упали цены на акции не только публичных компаний, но и умеренно крупных ОАО, поэтому приобретать пакеты акций значимых миноритариев и в целом консолидировать серьезные доконтрольные участия на вторичном рынке ценных бумаг (обычная прелюдия рейдерской атаки) стало значительно проще.

В-третьих, можно предвидеть, что крупные компании, доминирующие участники которых будут вынуждены расстаться с контрольными пакетами акций в обмен на экстренную и массивную финансовую помощь со стороны банков, будут значительно меньше внимания уделять корпоративной обороне (антирейдерские штабы корпораций, как правило, возглавляются

(13)

людьми, представляющими интересы главного акционера). Можно предположить, что и для банков как по сути транзитных владельцев таких бизнесов их антирейдерская защита не будет самой актуальной задачей.

Таким образом, однозначно оптимистичный прогноз едва ли стоит считать обоснованным.

6.3. ИНСАЙДЕРСКИЕ КОРПОРАТИВНЫЕ КОНФЛИКТЫ

Вторая тенденция – изменение характера внутренних корпоративных конфликтов.

В начале текущего десятилетия доминировали конфликты класса «миноритарий против мажоритария». Или типа «новый владелец бизнеса против неменяемого директора – крепкого хозяйственника». В большинстве случаев они разрешались вполне цивилизованными методами: в судах, посредством дозированного подключения контрольно-надзорных органов, а то и определенными уместными коррективами в законодательстве. Данные конфликты резонно привлекали общественное и экспертное внимание к тонким регулятивным проблемам в сфере корпоративного управления. И, наконец, они формировали у независимых экспертов определенный оптимизм в отношении того, что и далее инсайдерские корпоративные баталии будут столь же изящными в технологическом плане и сугубо джентльменскими в этическом плане.

Однако последние два-три года развеяли завышенные ожидания наблюдателей за эволюцией корпоративной конфликтности периода 2000–2005 годов. На авансцене отечественного корпоративного управления место главного возмутителя спокойствия заняли конфликты типа «перессорились главные совладельцы компании». Имеются в виду отнюдь не только и даже не столько «шумные», но, в общем, единичные примеры такого рода «боя гигантов» федерального и даже международного масштаба, за раскручиванием сюжетных поворотов которых пристально следили СМИ, сколько многочисленные и не менее драматичные партнерские

(14)

споры масштаба уже упоминавшихся выше региональных холдингов.

Каковы причины этого тренда?

1. Довольно широко проявляющаяся усталость владельцев российских компаний, как очень крупных, так и средних. По этой причине некоторые из них отошли от оперативного руководства бизнесом, передав его в одних случаях детям или иным родственникам, в других – не состоящим в родстве, но прошедшим суровую проверку боем поверенным (не обязательно являющимися профессиональными управленцами), в третьих – найденным рекрутинговыми фирмами наемным менеджерам, а сами решили заниматься лишь стратегическими проблемами.

(15)

2. За период относительно стабильного развития экономики (2001–2007 годы) владельцы компаний накопили состояния, которые позволяют им перейти к иному формату бизнес-поведения, основанного на сочетании пассивно-рантье́рской мотивации участия в предпринимательской деятельности, не мешающей задачам восстановления здоровья или сугубо духовного развития, и применения дистанционных схем владельческого контроля.

Почему эта тема достойна рассмотрения через призму корпоративной конфликтологии? Дело в том, что упомянутая усталость мажоритарных собственников компаний (в сочетании с другими описанными выше обстоятельствами) – феномен отнюдь не только психофизический, но и экономико-управленческий: будучи достаточно массовым, он обретает черты явления, влияющего на выбор идеологии управления компаниями.

Формы дистанцирования от текущего управления бизнесом различны. Многие владельцы компаний заняли пост председателя совета директоров головной компании, миссия, функции и статусные привилегии которого основательно прописаны в уставе. При этом внушительная по удельному весу группа владельцев бизнесов исполняет обязанности президента (председателя наблюдательного совета) на профессиональной основе (должность включена в штатное расписание, трудовая книжка хранится на родном предприятии, зарплату и бо-

нусы демократично определяет совет директоров, договор с президентом подписывает один из рядовых членов совета и т. п.). Впрочем, многие сохраняют за собой пост единоличного исполнительного органа, однако отмеченная усталость дает о себе знать и в этих случаях.

Усталость владельца отечественной компании проявляется еще и в том, что он все чаще обнаруживает явную и активно прогрессирующую нестабильность в отношениях даже со старыми коллегами, становится падким на «корпоративные слухи», впадает порой в шпиноманию, немотивированно и неожиданно дезавуируют ранее принятые им управленческие решения, шокирует сослуживцев иными формами экстравагантного управленческого поведения.

(16)

Вследствие всех этих подвижек у младших партнеров хозяев компаний зарождается мысль, что исторический момент для передела в свою пользу сфер влияния настал. По крайней мере, приход на капитанский мостик компании преемника, найденного динамично отходящим от дел «хозяином», воспринимается ими остро негативно и нередко служит сигналом к действиям по взлому сложившейся в предыдущие годы партнерской формулы.

По экспертным наблюдениям, наибольшее распространение обрели две следующие формы таких действий:

1) резкая активизация «вторыми лицами» (обычно это вице-президенты или заместители директора по ключевым направлениям бизнеса) недружественного корпоративного поведения – теневого вывода привлекательных активов, практики «откатов», приема без согласования с «хозяином» на опекаемые посты в компании «своих людей» и т. д.;

2) адресованное уставшему хозяину бизнеса ультимативное требование перекраивания партнерской формулы с угрозой в противном случае извлечь из корпоративных «шкафов» соответствующие «скелеты» или продать свой пакет акций (долю) рейдерам (вариант: гринмейлерам).

После таких действий корпоративный конфликт и входит в стадию эскалации. Явный тренд последних

лет – данные конфликты все чаще разрешаются сторонами посредством подключения в качестве юрфирм-консультантов рейдерских или гринмейлерских группировок. Причем чаще в таком неблагоприятном корпоративном поведении уличаются миноритарии – экс-партнеры хозяина компании. Они вооружают профессиональных корпоративных агрессоров компроматом против последнего, не без оснований полагая, что те найдут ему должное применение. Действительно, так часто и происходит. Известны случаи, когда нанятые одной стороной рейдеры отнимали капитал не только у своего оппонента, но и нанимателя.

К сожалению, институт официального медиаторства, несмотря на предпринимаемые попытки, в стране пока практически не работает.

(17)

6.4. ГРИНМЕЙЛ КАК НОВАЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УГРОЗА

Третья тенденция – активизация корпоративного шантажа.

С различными проявлениями гринмейла отечественная практика корпоративного управления сталкивалась, разумеется, и в 90-е годы прошлого века, и в первые годы века текущего. Однако, невзирая на «жанровое сходство», по своему содержанию, масштабам и последствиям – это все-таки разные явления.

В конце прошлого – начале текущего века «хрестоматийный», рафинированный гринмейл в России был большой редкостью. А вот корпоративный шантаж как ингредиент рейдерской атаки был довольно популярен. Он использовался сплошь и рядом как инструмент дополнительного давления на компанию – объект недружественного поглощения. Прием был довольно эффективным, поскольку, с одной стороны, изрядно отвлекал команду корпоративной обороны от основного удара «бизнес-пиратов», с другой – при сравнительно нетрудоемкой дополнительной PR-доработке давал последним серьезный идеологический ресурс наглядной демонстрации того, что жесткий диалог с компанией идет в судебно-правовом сегменте защиты прав миноритарных

акционеров от проворовавшихся контролирующего участника и менеджмента компании.

Последние несколько лет эксперты корпоративной защиты сталкиваются с так называемым чистым гринмейлом, носителями технологий которого являются как «старинные» игроки, то есть по сути экс-рейдеры, которые на примере своих обретших крупные неприятности коллег осознали, что заигрывания с УК РФ чреваты и лучше заняться чем-то менее рискованным, так и новые посетители конфликтного сегмента рынка участия (чаще всего это «диверсифицирующие» свой бизнес юрфирмы или инвесткомпания). Последних, как представляется, простимулировали к изменению (или дополнению) «профориентации» такие объективные особенности отечественного гринмейла, как почти полная неуязвимость для уголовно-правового преследования, высокая латентность и результативность.

(18)

Можно ли, рассуждая о рафинированном гринмейле образца 2006–2008 годов, предположить, что гринмейл и рейдерство решительно и окончательно дистанцировались? Положительный ответ на данный вопрос был бы преждевременным. Так, неудачный рейдерский проект, запущенный такого рода фирмами, часто переходит в гринмейл. И, напротив, удачный гринмейл порой перерастает в явный захват бизнеса.

Гринмейл пока не рассматривается нашими властями и даже некоторыми авторитетными экспертами как социально-опасное явление. Антигринмейлерский аспект законотворческой деятельности в стране на данный момент отсутствует.

В действительности, новейший российский гринмейл – это чрезвычайно опасное социально-экономическое явление. Исключительная вредоносность корпоративного шантажа заключается в следующем.

1. Гринмейл – разновидность отъема бизнеса, осуществляемого вопреки воле его законного владельца и при этом, как правило, неправомерного по институциональной сути или незаконного по формальным признакам. Greenmail, конечно, не blackmail, то есть не хрестоматийный шантаж. Но все-таки это шантаж. Его апофе-

оз – теневая сделка мены, к совершению которой, как уже отмечалось, владельца бизнеса или менеджмент акционерного общества незаконно понуждают архитекторы и исполнители проектов юридического террора против компании-цели. Предмет сделки – словесное обещание гринмейлеров прекратить означенный террор в обмен на некую часть бизнеса: наличные деньги, или фрагмент ликвидных активов, или особые права, связанные с ведением бизнеса в настоящее время и/или в перспективе. Другими словами, гринмейл – это разновидность рэкета. Изощренного, высокоинтеллектуального и профессионально обустроенного, но все-таки рэкета.

2. Гринмейл нередко приводит к разрушению бизнеса. (19)

Экспертное участие в противодействии атакам корпоративных шантажистов не оставляет сомнений в том, что системные мероприятия по юридическому прессингу компании:

- отвлекают контролирующего участника и топ-менеджмент компании от осуществления своих основных функций, занимают от трети до половины бюджета рабочего времени реальных бенефициаров компании, генерального директора, ведущих членов совета директоров и правления;

- приводят к серьезным финансовым и репутационным потерям компании-цели и ее законных хозяев, в частности, в форме сопутствующих накладных (услуги специалистов, не исключая представителей СМИ, вынужденные командировки, стимулирование поддержки чиновничества всех уровней и т. д.) и в форме «итогового бонуса» гринмейлеров – отступного. Если же отступное имеет место в виде выделения шантажистам соразмерной их общим амбициям и удельному весу их юридических побед доли участия в капитале, бизнес разрушается буквально;

- профессионально отточенный гринмейл способен вбить мощный клин в отношения между совладельцами компании, в частности, отвлечь до этого лояльных миноритариев от позитивного сотрудничества с контролирующим участником;

- гринмейл, как уже отмечалось выше, превращается в эффективный, на условиях классического аутсорсинга, инструмент давления одного из совладельцев компании, оказавшегося в оппозиции контролирующему владельцу; в этом случае обладание бывшим партнером мажоритария щекоотливой инсайдерской информацией вкупе с использованием нанятыми гринмейлерами профессиональных технологий корпоративно-правового давления обретает новое разрушительное качество;

- отдельные предприятия, рассчитывавшие на привлечение капитала извне – через IPO, партнерство с неким отраслевым инвестором, системные транши кредитов и т. д. – лишаются казавшихся столь доступными ресурсов роста из-за вовремя организованных гринмейлерских скандалов. (20)

3. Гринмейл глубоко дискредитирует идею профессионального миноритарного (портфельного) предпринимательства.

4. Гринмейл способен ухудшить инвестиционную привлекательность российской экономики. Корпоративный шантаж примерно в двух случаях из каждых трех протекает в сугубо латентном режиме. Добросовестные инвесторы не знают о существовании соответствующих рисков резкого снижения стоимости акций, а то и полной потери инвестиций. А когда ключевые обстоятельства ведения войны с гринмейлерами становятся достоянием гласности, снижения капитализации компании просто не избежать. В том же направлении, естественно, действуют и перспективы разрушения бизнеса, о которых говорилось выше.

5. Низкая вероятность наказания и высокая степень латентности гринмейла создают условия для расширения сферы применения методов корпоративного шантажа.

Помимо классической миссии (отступное в обмен на свертывание юридического прессинга миноритарного участника), корпоративный шантаж все чаще применяется как средство конкурентной борьбы (гринмейлеров нанимают конкуренты), разрешения внутрикорпоративных конфликтов значимых акционеров (гринмейлеров нанимают вытесненные мажоритарием

совладельцы компании), поддержки рейдерских атак (специализирующиеся на гринмейле фирмы или группы юристов заблаговременно нанимаются заказчиками проекта или непосредственно рейдерами).

6. Гринмейл является порождением теневой экономики и, в свою очередь, активно ее поощряет.

Нет ни малейших сомнений в том, что финансирование гринмейлерских проектов осуществляется в основном за счет пресловутой «неучтенки».

7. Рейдерство и гринмейл связаны между собой.

Рейдерские группы формируют весьма специфичный рынок сбыта для гринмейлеров. Продается не просто пакет акций компании-цели, а истерзанный юридическим прессингом гринмейлеров «клиент» и соответствующая информация о нем.

8. Безднаказанность гринмейлерства создает серьезные риски разрушения этики делового поведения у некоторой части креативных молодых специалистов в области корпоративного права.

6.5. ГОСУДАРСТВО В ПОИСКАХ ЭФФЕКТИВНЫХ ИНСТИТУТОВ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРПОРАТИВНОЙ АГРЕССИИ

Важная тенденция последних нескольких лет – существенная активизация законотворческой деятельности государства в целях исключения нормативных предпосылок возникновения и развития корпоративных конфликтов.

Однако безупречными соответствующие усилия инициаторов новых, не провоцирующих конфликты «правил игры» в управлении российскими компаниями назвать трудно.

1. Сплошь и рядом отсутствует должная обратная связь, стремление к полноформатному диалогу разработчиков законов, бизнес-сообщества в целом и располагающих соответствующей репутацией экспертных ассоциаций (чаще всего по вине государственных чиновников). Отчасти это обусловлено тем, что не используются возможности применения оценок регулирующего воздействия.

(21)

2. Существует явный дефицит плановости и гласности в сфере нормотворчества.

3. Проявляется пренебрежение таким критерием, как недопустимость поощрения гринмейла нерациональными в управленческом плане и/или требующими дополнительных усилий в области интерпретации базовыми правовыми новеллами.

И все-таки очевидный прогресс налицо. В 2006–2008 годах разработаны такие чрезвычайно актуальные в области профилактики корпоративных конфликтов законопроекты, как:

- дополнение УК РФ специальными антирейдерским и антигринмейлерскими составами;
- специальный антирейдерский законопроект, большая часть которого посвящена поправкам в АПК РФ;
- законопроект о перераспределении компетенции органов управления акционерных компаний;
- законопроект о медиаторской деятельности;
- проект новелл закона о соглашениях акционеров;
- законопроект об усилении ответственности членов органов управления и контроля акционерных обществ.

(22)

Более подробно с содержанием антирейдерских разработок можно ознакомиться в главе 7 данного доклада, посвященной мониторингу корпоративного законодательства.